

Анна Леденцовская

Надежда
Маяка

Анна Леденцовская

Надежда маяка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70243612

SelfPub; 2024

Аннотация

Не верила в некромантов? А зря! Попросила о спасении, умирая, – сама виновата. Теперь Надя Крохалева – попаданка. Заперта в бывшем магическом маяке посреди леса, где обитает древнее и коварное зло. Но не все так плохо! Про нее помнят и даже помощников пришлют, только не совсем обычных. Летающий и говорящий кухонный инвентарь – и собеседник, и защитник. А найденные шелковые труселя с черепашками – совершенно точно к любви. Это же магический мир, а значит, все будет «долго и счастливо».

Содержание

Глава 1. Есть ли жизнь после смерти?	4
Глава 2. Осознание и эмоции	17
Глава 3. Надо что-то делать	32
Глава 4. Находки, незамеченная магия чистоты и посылка с небес	45
Глава 5. Сказка к нам пришла	60
Глава 6. Имена и немного самой разной магии	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Анна Леденцовская

Надежда маяка

Глава 1. Есть ли жизнь после смерти?

Боль не уходила, сознание упорно цеплялось за знакомые предметы двора. Занесенная снегом металлическая каруселька, качели, лавочка у подъезда и перевернутая хулиганьем урна с рассыпанными вокруг бычками, бумажками и мятой банкой из-под пива.

Как глупо вышло! До подъезда-то пара шагов осталась, и окно их квартиры вон кухонное светится на третьем этаже, бабуля, наверное, чаевничает под бормотание телевизора.

Бабушка Наденьки смотрела только новости, и обязательно под чай с конфетами или пирожными. На крайний случай еще твердая старушечья ручонка густо намазывала толстым слоем варенья или джема кусочек свежего батона, поскольку, по заверениям пожилой родственницы, только обильная доза сахара сможет помочь перенести всю мерзость того, что скармливают гражданам с голубых экранов.

Так что, неторопливо идя к подъезду по обледенелой на-

топанной тропинке, Надежда по сторонам не оглядывалась и не поняла, откуда в их дворе-колодце вынырнул из вечерней темноты этот тощий трясущийся тип. На его хриплое: «Гони деньги, корова жирная!» – среагировала как на обычное хамство. Фыркнув, проигнорировала и попыталась обойти, шагнув в сторону пяточка детской площадки. Это потом уже она вспомнила и трясущиеся руки, и расширенные зрачки бегающих глаз. Они с совершенно безумным выражением сверкнули в свете тусклой лампочки единственного на весь двор горящего фонаря, когда мужичонка, заступив дорогу, попытался выхватить из рук сумочку.

Надежда была дамой высокой и статной. Когда в тебе почти метр девяносто и твои габариты далеко ушли от модельных параметров, с коими обычно ассоциируется высокий рост, то пугаться плюгавого нападавшего и тем более отдавать сумку как-то не с руки. Только вот не ожидала она, что мужик, осознав тщетность попытки ограбления ввиду разных весовых категорий не в свою пользу, вдруг озлобленно толкнет ее в грудь.

Как не ожидала и резкой боли от сильного толчка, казалось бы, хлипкого индивидуума.

Где уж этот тип прятал свое оружие и почему она не заметила у него в руках то ли длинное шило, то ли остро заточенную отвертку, Надя не знала. Руки ослабли, и, падая на снег около покосившейся металлической карусельки, она выронила сумку, которую тут же подхватил нападавший, ки-

нувшийся прочь во тьму арки вместе с добычей.

«Наркоман, наверное...» – отметилось машинально где-то в мозгу.

Надя попыталась крикнуть, но в груди как-то хлопнуло, рот наполнился кровью, и все, что удалось выдавить из себя, это жалкий стон вперемешку с надсадным, болезненным кашлем.

Попытка приподняться на локтях или хотя бы перевернуться, чтобы ползти, тоже не увенчалась успехом. Смогла лишь попытаться зажать рану через куртку.

Боль нарастала, пульсируя, легкие горели, но спасительной потери сознания не было, хотя, наверное, это было к лучшему, так ведь потом можно не очнуться и истечь кровью, застыв на снегу. Надежда стискивала зубы, чувствуя, как путаются мысли и глохнут все звуки, кроме хриплого, натужного, булькающего сипа ее легких в попытке дышать. Мелькнула мысль: если бы хоть кто-то вышел из подъезда выгулять пса или до магазина, а может, наоборот, запоздало возвращался бы, как и она, с работы...

Мутнея сознанием, появившуюся словно из ниоткуда темную массивную фигуру Надя заметила плывущим зрением не сразу, а только когда мужчина в чем-то черном с капюшоном наклонился над ней.

Надя зашлась в кашле, зрение никак не могло сфокусироваться, сухие губы дрогнули, пытаясь выдавить «помогите». То ли у нее получилось это произнести, то ли незнако-

мец среагировал на кашель лежавшей навзничь женщины, но мужчина склонился ниже, вглядываясь в ее лицо. Зажимая одной рукой грудь, там, где пульсировала острая резкая боль при каждой попытке вздохнуть, и цепляясь за уплывающие остатки сознания, она изо всех сил пыталась молить о помощи случайного человека, который почему-то медлил, присев рядом на корточки.

«Я не хочу умирать...» – словно мантра билось в голове. Надя захлебнулась пошедшей горлом кровью и судорожно вцепилась немеющими пальцами одной руки в неожиданно тонкий для начала зимы рукав одежды незнакомца. Внезапно боль немного притупилась, словно этот человек одним своим присутствием смог ее отогнать. Мужчина не двигался, кажется, впал в ступор. Надежда, собрав последние силы, снова попыталась шептать немеющими губами, сипя и кашляя:

– Помогите, прошу...

Наверное, ей все же удалось выдавить из себя просьбу о помощи. Незвестный отмер и, по-видимому испугавшись, попытался отцепить от себя ее пальцы, бормоча какую-то чушь про то, что он некромант и исцелять не умеет.

«Спятил, что ли, с перепугу?»

Разум вдруг обрел четкость, и в Наде даже зло вспыхнуло на этого тетеху, почти заглушив невыносимую боль. Такое веселое и яростное, когда понимаешь, что вот-вот сдохнешь, а какая-то сволочь в состоянии помочь, но даже не почешет-

ся в этом направлении! Что-то еще сказать не получалось, силы закончились, жизнь утекала по каплям, в глазах плыло, а от металлического привкуса во рту еще и тошнило. Однако мозг с какого-то перепугу вдруг начал соображать четко и логично, словно она сдавала нелепый экзамен на пригодность пожить еще и словно только от мысленного посылы в сторону этого случайного трусливого прохожего могло что-то измениться.

– Смешно! Некромант не может вызвать скорую? – Внутренняя язва в ней гордо вскинула голову, пытаясь высказать недотепе «спасателю» свое фе, а сама женщина снова закашлялась, выплюнув на снег темный сгусток и из последних сил зажимая одной рукой рану, а другой цепляясь за нервничающего мужика. Сил хватило ненадолго. Видно, это было какое-то чудо, последнее трепыхание организма в попытке жить. Надя чувствовала, что сознание начинает уплывать и помощи она, похоже, не дождетя. Пальцы немели и разжимались. Она попыталась еще раз съязвить напоследок про себя, выплеснув всю боль и отчаяние на молчаливую темную фигуру, припомнив, что странный тип назвался некромантом.

– Некромант? – Кашель и боль путали мысли. – Забери меня тогда, некромант... кхе-кхе... туда, откуда ты пришел... кхе-кхе... Дай новую жизнь... Только я хочу остаться собой...

Она пыталась сфокусировать взгляд на невидимом во

тьме лице незнакомого парня, рассмотреть. Тот чуть повернул голову, словно прислушиваясь, и даже, казалось, прекрасно слышал ее мечущиеся путаные мысли, а потом усмехнулся. В тусклом свете блеснули зубы с длинноватыми клыками.

– Ты странный... – Ей уже казалось, что никого рядом с ней и нет вовсе, она бредит. Обеими руками судорожно, до боли, Надя пыталась зажать грудь. – У меня бредовая галлюцинация... Кхе-кхе... прикус неправильный... Смерть?

Ее рассуждения, всплывающие в мозгу на грани потери сознания, снова прервал булькающий кашель, стрельнувший невыносимой болью. Руки все сильнее немели, и холод неумолимо подползал ко все медленнее бьющемуся сердцу.

– Эй, дамочка, нормальный прикус. Я не галлюцинация, тролль я. А в твоём мире вообще дух, и ты меня даже видеть не должна! – вдруг громко возмутился мужчина, а потом торопливо принялся бормотать какую-то невообразимую чушь про сердце башни, его зарядку, словно речь шла о мобильнике, историю про какую-то девицу из камня, которая в ней ждала любимого, а в завершение вдруг предложил: – Башня магическая, может, если станешь ее сердцем, то она тебя вылечит? согласишься стать сердцем древнего маяка? Тогда попытаюсь забрать тебя с собой...

Обрывки фраз долетали словно сквозь вату, а последняя опалила жаром, словно на Надю вылили котел кипятка. На глаза навернулись слезы.

«Останусь жить?.. Да...» – пронеслось в голове Надежды, она поняла, что, похоже, ее уже никто не спасет. Перед глазами все залило багровой тьмой, грудь сдавило тисками так, что вздохнуть еще разочек она уже не смогла.

А потом боль прошла, и стало страшно. Она почему-то бежала, бежала, бежала...

Серый лес... Надя помнила этот сон! Сейчас она четко осознавала, что опять вернулась в кошмар своего детства, после которого всегда просыпалась с криками и в слезах. Мрачный лес с буреломом и колючим кустарником. Отовсюду следят чьи-то злобные глаза, в тенях мелькают размытые силуэты неизвестных хищников, следующих за ней по пятам, а она несется вперед, не разбирая дороги, слышит шумное дыхание и треск погони, паникует, продирается сквозь кусты и неожиданно выскакивает на небольшое открытое пространство, в центре которого, занимая собой весь свободный от лесной растительности пятачок, возвышается гигантская мрачная каменная башня.

Вот эта самая башня всегда была не спасением, а ее самым жутким кошмаром. Сколько Надежда себя помнила, просыпаясь, она еще какое-то время видела перед глазами темную щель приоткрытой двери и ощущала леденящий ужас оттого, что за этой дверью как раз прячется самое страшное чудище этого леса! Осознание, что ее гонят в ловушку, чтобы накормить это чудище, доводило маленькую девочку до слез, и бабушка потом долго успокаивала заплаканную Наденьку,

обещая, что плохой сон никогда не сбудется, и сетуя на свою дочь, мать-кукушку, которую винила в неустойчивой психике внучки.

Сейчас, будучи уже взрослой женщиной, Надежда опять бежала или летела в заросшем кустами и деревьями пространстве. По знакомому кошмару ее несло против воли, ноги ей совершенно не подчинялись, затормозить или свернуть она не могла.

– Это сон! Я точно знаю, значит, я проснусь и все будет хорошо, – уверяла себя она, озираясь по сторонам. Страх от осознания этого факта улетучился, но Надя все же попыталась ущипнуть себя за руку, чтобы точно в этом убедиться.

Боли ожидаемо не было, но вот окровавленные руки, оставившие на рукаве куртки темно-красные отпечатки, вдруг всколыхнули в памяти предшествовавшие события.

– Я умерла? Мой детский кошмар – это моя смерть и в башне за дверью меня ждет старушка с косой? Какая чушь! – Надя повертела головой, помахала руками, отмечая, что они-то, в отличие от ног, ее слушаются, да и для раненой в грудь особы ей на удивление легко дышится. Она не задыхается ни от раны, ни от стремительного бега. – Ну, по крайней мере сейчас мне не страшно, и можно досмотреть сон до конца. Или я в коме? Надеюсь, что тот тип мне не пригрелся и все же вызвал скорую. Не думаю, что так нелепо выглядит человеческое посмертие...

Определиться со своим состоянием Надежда не успела,

поскольку ее вынесло на знакомую полянку с башней. Она встала как вкопанная и с подозрением уставилась на неожиданно плотно закрытую дверь.

– Это что-то новенькое. Кошмарик меня не ждал? Или мой детский страх сам испугался, увидев вместо малышки с косичками высокую барышню средних лет и немаленьких размеров? – с каким-то исследовательским интересом заметила она, разглядывая на потемневших от времени толстых досках, обитых металлическими полосами, внушительные царапины от чьих-то когтей.

– Сюр какой-то. Наркоман-грабитель, рана, мужик с клыкастым прикусом, назвавшийся некромантом, а теперь башня из кошмариков. Что там этот глюканутый дядька мне плел? На что я там согласилась? – Она задумалась, вспоминая, пока разглядывала мрачную громадину с уходящей в серый туман верхушкой. – Какому-то маяку нужно сердце, и он меня вылечит... или я сердце и вылечу магическую башню...

Рассуждала она вслух, была у Наденьки Крохалевой такая привычка еще с младших классов школы.

В ответ на ее рассуждения за спиной раздался хриплый многоголосый вой, а дверь в каменной стене широко распахнулась, явив темное и словно бездонное нутро башни. Женщину как в воронку урагана закрутило и всосало в провал входа, понесло по коридорам вверх, неожиданно больно приложило головой о мутный стеклянный мелкогранный шар

размером с тумбочку, возникший непонятно откуда, тряхнуло напоследок и безжалостно шмякнуло об пол.

– Божечки, как же больно! – Наденька, кашляя, пыталась встать на четвереньки. Под руками был грязный и холодный каменный пол, перед лицом валялась потрепанная книга или толстая тетрадь в темном кожаном переплете. К горлу опять подступил кашель, и на и так замурзанный, истрепанный жизнью томик плюхнулся кровавый сгусток.

– Мамочки!

Она судорожно схватилась за грудь. Засохшая кровавая корка на куртке не дала усомниться в том, что ее действительно пытались убить, возможно, даже убили.

Впрочем, опять закашлявшись и выплюнув еще несколько сгустков, Надя поняла, что все же дышит нормально, без боли, сипа и мерзкого хлюпанья. Все тело болело, но словно от долгой тяжелой работы, а в груди, где должна была находиться рана, никакой боли совсем не было.

– Да что происходит-то?! – Надя завертела головой по сторонам, осматривая мрачный зал с высоким потолком и рисунок на полу вокруг себя. Выглядело это так, словно начитавшиеся фэнтези подростки попытались провести дурацкий магический ритуал, разрисовав для этого пол заброшенного старого здания.

– Так, начнем по порядку! Я в каком-то помещении, это факт! На куртке и руках засохшая кровь, и еще дырка вот. – Она поковыряла пальцем небольшую прореху посреди кро-

вавого пятна. Раскладывать все по полочкам ее приучила бабушка, в свои уже семьдесят с хвостиком сохранившая ясный ум и как семечки щелкающая кроссворды. Здоровье, к слову, у сухонькой, похожей на бесцветную моль в очках старушки было железное, только вот зрение подвело да суставы на погоду болели. Внучку она растила в строгости, памятуя об ошибках молодости в воспитании дочери, которую разбаловала после скоропостижной гибели мужа.

– Раз кровью откашлялась, значит, рана была серьезная, задето было легкое... наверное... – Дрожаящими пальцами Надя рванула молнию на куртке, задрала свитер и уставилась на небольшой свежий багровый рубец с расплзающимся вокруг него синяком.

– Ай... – Попытка потрогать вышла болезненной. – Значит, это не сон и не кома. Больно ведь! Предположим, меня действительно смертельно ранили, а потом кто-то вылечил и притащил сюда. Зачем? И куда сюда?

Надя поднялась на ноги и покачнулась, голова тоже отозвалась тупой болью. Пощупав макушку, она обнаружила здоровенную шишку. Осматривая зал, где очутилась, и задрав голову к потолку, Надежда увидела слегка светящийся шар, тот самый, о который ее стукнуло головой «во сне», когда тащило в башню.

– Так! Спокойно! Начнем сначала! – Она снова села на пол в пыльных грязных разводах, подстелив под попу испорченную кровью куртку. – Я Надежда Крохалева, мне трид-

цать пять лет, продавец в кондитерском магазине, не заму-
жем. Одежда моя. Рана у меня была. Я в зале, где под потол-
ком висит шар, о который меня стукнуло головой во сне, и
сейчас у меня на голове шишка, а на месте раны шрам и здо-
ровенный синяк! Что еще? А, ну да! Мужик! Тот, который
типа некромант, обещавший меня забрать и вылечить, если я
стану сердцем... Забрать в башню маяка. Точно! Ну нет! Не
могла же я... Я теперь что, какое-то сердце маяка? – Надень-
ка тихонько нервно хихикнула от нелепости такого предпо-
ложения. Она же современная взрослая дама! Какое сердце
башни?! Так и до драконов с феями можно доразмышлять...

Периферическое зрение уловило сбоку яркую вспышку.

– Еще интереснее... – Заляпанный ее кровью ветхий
томик, неведомо кем брошенный посреди огромного зала,
вдруг засветился, словно в него были встроены незаметные
до этого светодиоды. – Это что за светопредставление? С ви-
ду было похоже на книжку. А может, это планшет?

Окрыленная мелькнувшей идеей, Надя вскочила и броси-
лась к светящейся вещице. В ее руках потрепанная книжица
– а это была именно она, а не желанный гаджет – погасила
освещение и распахнулась, явив на желтоватом листе косые,
в завитушках каракули, гласившие, что теперь она хранитель
маяка ордена братства, магическое сердце, которое должно
противостоять злу, не давая ему распространяться.

– Прекрасные новости! Особенно мне нравится про ма-
гию. – Надя потрясла ни в чем не повинный томик, как на-

шкодившего котенка. – Я теперь что, магичка? Ведьма? Колдунья?

– Ну, абракадабра тогда! – Надежда взмахнула руками, но, разумеется, ничего не произошло. – В чем смысл – непонятно. Может, тут скрытая камера где-то? Точно! Может, это было шоу и я попала? Вкололи что-то галлюциногенное, а теперь снимают реакцию и ржут, сволочи! Притащили куда-то! Наверняка блогеры какие-нибудь, у них вечно контент-деньги-контент.

Надежда встала и решительно направилась к единственной двери, ведущей из зала с рисунком и шаром под потолком.

– Ну, погодите у меня! Я вас там сейчас найду, с камерами вашими, и в суд подам! Сволочи! – Она решительно дернула на себя ручку. – Я вам что, малолетка какая-то, мечтающая попасть в телящик?! Еще и куртку испортили почти новую, гады!

Глава 2. Осознание и эмоции

Выскочив за дверь, Надежда, особо не раздумывая, кинулась вниз по винтовой каменной лестнице, но через пару ступенек неожиданно замерла. Свет тут был странный, словно светилась сердцевина строения, вокруг которой спускалась лестница, сама стена.

Светилась неярко, чуть-чуть, как шар в зале, воспоминание о котором отзывалось болью в макушке. Надя коснулась стенки, провела по ней рукой, и вслед за ее движением на каменной поверхности прочертились световые полосы по ярче, а пальцы выпачкались пылью и даже зацепили липкие нити, похожие на паутину.

– Брр... Грязища тут и паутина, хотя пауков не видно, – разглядывала светящиеся отпечатки своих пальцев Наденька. – Может, уже и нет пауков, мухи ведь тоже не жужжат. Чем восьминогим питаться? И при этом освещение такое креативненькое, дорогое наверное. Только почему тут грязь тогда? Для антуража? И следов вон полно.

Несмотря на тускловатое освещение, на грязной поверхности лестницы явственно виднелись следы от чьей-то обуви. Надя наклонилась, разглядывая отпечатки на ступенях, и опять пришла в замешательство. Складывалось впечатление, что наверх прошествовала целая делегация, а вот обрат-

но никто не спустился.

– Улетели, что ли? Или там наверху есть комната, откуда они за мной наблюдают? – Круто поменяв направление, Надежда снова вернулась в зал с узорчатым полом.

На этот раз она не озиралась по сторонам, а внимательно, с дотошностью доморощенного Шерлока Холмса, шла по следу. Повезло, что до этого она тут почти не натоптала. И хотя основная масса отпечатков вела на странный рисунок чокнутых оккультистов, Надя в полном шоке обнаружила новые неизвестные следы, взявшиеся как будто из воздуха. Вели они к рисунку и обратно, а еще были местами затерты, словно из разрисованного круга туда, где все резко обрывалось, тащили что-то тяжелое и габаритное, возможно крупного человека.

– Это что же выходит? Кто-то сюда зашел, а потом из воздуха появились еще люди, которые этих вторженцев отсюда утащили? – Надя потрясла головой, еще раз аккуратно ощупала болючую шишку на голове, недовольно глянула на шар, мерцающий почти как стенка у винтовой лестницы, только ярче и на приличной высоте, и вздохнула. – Ничего не сходится. Даже если предположить галлюцинации, то почему болит шрам на груди и шишка на голове? Глюки бывают болезненные?

Откровенно говоря, в медицине Наденька Крохалева практически не разбиралась, поскольку нужды не было. Здоровье у нее было прекрасным, да и у бабульки ее, несмотря

на преклонный возраст, тоже с этим все было в порядке настолько, насколько это возможно.

Окончательно запутавшись, Надя вдруг обратила внимание на то, что не заметила раньше. Вдоль стены шла лестница из темного металла, которая, несомненно, вела куда-то вверх.

– Следов, идущих туда, нет, – задумчиво пробормотала она себе под нос. – Но что мешает там кому-то прятаться и наблюдать? И если это какое-то шоу, то вести скрытую съемку оттуда как раз удобнее всего!

Нахмурившись, Надежда подошла к узкой лесенке, рассматривая ее с некоторым сомнением. Вокруг все казалось очень старым и запущенным, а значит, та могла проржаветь, обветшать, расшататься и, учитывая габариты нашей барышни, быть небезопасной для восхождения к люку в потолке. Все же высота зала была приличная, как минимум пара обычных этажей.

– Вроде прочная, – подергала Надя кованые перильца. Беседа вслух с самой собой ее успокаивала, ведь бродить в этом странном месте в тишине и слышать только собственные шаги было как-то не по себе.

Пока Надежда Крохалева, развив бурную деятельность, пыталась понять, куда ее занесло, и осторожно карабкалась по лесенке к люку в потолке, в МАСМ – Магической академии существ мира – состоялся весьма странный разговор.

В столовой за столиком, находящимся в некромант-

ском секторе для преподавателей, сидела парочка в черных форменных комбинезонах, подчеркивающих их принадлежность к опасной и непредсказуемой профессии некромантов. Одним был серокожий совершенно лысый гигант с крупными чертами лица и чуть выступающей вперед из-за некрупных клычков нижней челюстью, а вторым – представитель своеобразного и очень закрытого народа пустошников в надвинутом до бровей капюшоне и полумаске, закрывающей нижнюю часть лица.

Если пустошник, сидя в столовой, ничего не ел, то тролль наворачивал еду с энтузиазмом оголодавшего после спячки медведя. Часть тарелок, заставлявших всю поверхность круглого столика, уже была старательно очищена им от содержимого, а остальная дожидалась своей очереди, радуя глаза и обоняние аппетитной едой.

– Слушай, Винни, я что хотел спросить. Что за странный труп ты использовал для ритуала? Нашли какую-то измененную гадость? Хотя выглядело оно как бледная дама в непривычной одежде, только с немного нестабильными контурами, словно плохо прорисованная.

Фшен Шатос щелчком прижал эйши-скорпиончика, вздувшегося переместиться на тыльную сторону ладони. Эти живые татуировки усеивали все его тело после весьма опасного ритуала, проводимого над каждым младенцем пустошей в гнездах черных скорпионов. Эйши были охраной, оружием, разведчиками и даже транспортом-тари, но помимо пользы

привносили в жизнь владельца множество неудобств и социальных ограничений.

– Женщина? – Троль не донес до рта очередной вкусно пахнувший кусочек мяса с зажаристой золотисто-коричневой корочкой. Мысль о еде напрочь вылетела у него из головы, что для его расы было невообразимо. Особенно если учесть факт отсутствия пищи в целительской, где ему пришлось проторчать ночь и большую часть дня после всех их недавних приключений, которые тоже пришлось пережить на голодный желудок. – Какая женщина? Как она выглядела? Ты хорошо разглядел?

Он схватил пустошника за комбинезон на груди и потрянул, словно грушу. Эйши-скорпионы моментально обрели объем и высыпали из складок свободного одеяния хозяина, угрожающе подняв жала, на что невменяемый от волнения Винни даже внимания не обратил. Перед его глазами опять как наяву стояло искаженное болью лицо незнакомки, струйка крови в уголке рта, ее кашель, рука, вцепившаяся в его рукав, и вторая, зажимающая грудь, где расплывалось по одежде бурое пятно.

– Да что с тобой? – отшатнулся Фшен, чуть не опрокинувшись назад вместе со стулом, и попытался отцепить от себя пальцы неожиданно сбрендившего приятеля. – Думаешь, мне было когда разглядывать? Там портал госпожи д'Азфир трещал так, что в любой момент мог схлопнуться и размазать всех окружающих в пыль откатом! И это фейский портал,

который ректор поддерживала драконьей магией стихий с использованием специальных стабилизирующих энергокристаллов академии! Да и откуда там взяться женщине? С вами ведь больше не было никого. Она, как мне показалось, просто возникла на полу рядом с какой-то тетрадкой. До этого никого не было... Что ты всполошился? Померещилось, может, на нервах, или тени так легли... хотя...

– Как она выглядела?! – Троль, совершенно безумным взглядом впившись в невидимое под маской и капюшоном лицо пустошника, уже рычал. – Отвечай!

– Ну... человеческая тетка средних лет, кажется... Крупная, но меньше тебя, с темными волосами, в каком-то толстом, как из пухового одеяла, пиджаке с кровавым пятном, бледная. Похожа на покойника, но какая-то ненастоящая.

Фшен задумался, пытаясь вспомнить и не понимая, что происходит с его обычно флегматичным и рассудительным другом.

– Неправильный труп или не труп... Ты чего? Винни?! Может, вернуться к целителю Бяо? Ты совсем на себя не похож, – но эта его фраза была сказана уже в стремительно удаляющуюся широкую спину.

Проигнорировав совет и отпустив комбинезон приятеля, троль вскочил, опрокинул свой стул и огромными скачками кинулся на выход из столовой, совершенно забыв про еду, что было немыслимо для его расы. Никогда ни один представитель троллей не был замечен в подобном вопиющем по-

ведении, ибо неторопливость, философское спокойствие и любовь к еде были характерными чертами этой расы.

Понятно, что Фшен Шатос не раздумывая кинулся за приятелем, пытаясь его догнать и выяснить, что так повлияло на обычно спокойного Винни. Догнал он тролля только в секретарской ректора.

В кабинет же ректора, Эртонизы д'Азфир, ворвался очень запыхавшийся тролль, а вслед за ним – гораздо менее запыхавшийся и недоумевающий пустошник. Такое поведение даже для профессоров академии было чересчур. Все же грозная драконница не то существо, дверь в логово которого можно так запросто открыть чуть ли не с ноги.

Стройная женщина с пушистыми шелковистыми волосами всех оттенков фиолетового и лилового лишь слегка возпросительно изогнула бровь, словно появление таким возмутительным образом аспиранта некрофакультета и давнего выпускника того же факультета было совершенно обычным делом. Она с интересом ждала, чем мужчины оправдают такое нарушение всех мыслимых правил вежливости и личной безопасности, а заодно играла сама с собой в любимую «угадайку».

За парнями в дверь проскользнул крупный плюшевый осьминог бирюзового цвета, трансформировавшийся в привлекательного мужчину без определенного возраста. Это был секретарь ректора морф Лэри. Он не успел встать на пути разогнавшегося тролля и теперь очень переживал.

– Она... она перенеслась. – Винни тяжело дышал и с трудом подбирал слова. – Я не знал. Я духом был... ритуал... и предложил, но думал, не вышло... вы меня забрали!

Винни находился в панике, он и представить не мог, что все же перенес незнакомку из ее мира, чтобы спасти на самом деле, но она осталась в башне посреди фронта совершенно одна. Ему все не пригрезилось в мире духов, все действительно произошло в каком-то чужом реальном мире, настоящему! Раненая женщина перенеслась на маяк вместе с ним, только как-то позже, с сильной задержкой. Конечно, башня, приняв ее как свое сердце, вылечит переселенку, но древнее строение совершенно не приспособлено для жизни. К тому же местность вокруг крайне опасна для любого существа, насколько бы сильным оно ни было, а уж для ничего не подозревающей незнакомки из другого мира – особенно.

– Она там совсем одна! Я спасал! Она умирала... – пытался он короткими фразами между рваными вдохами дать максимум информации.

– Шатос? – Драконица перевела взгляд на второго вломившегося в ее кабинет участника этой истории. – Может, вы поясните хоть что-то, пока ваш приятель приведет в норму свое физическое состояние и сможет сформулировать возникшую у него проблему? Как я понимаю, что-то еще произошло на маяке ордена магического братства? Что-то, чего мы не знаем и упустили из виду при вытаскивании компании наших студентов под предводительством этого безго-

лового тролля?

Пустошник поежился под пристальным взглядом глаз с уже вытянувшимся в ниточку зрачком. Проследив за сиреневыми чешуйками, появившимися вдоль виска на идеальной коже мадам, он плюхнулся на стул, который подоткнул ему сзади под колени секретарь. Винни также разместили в кресле, и Лэри сунул ему в руку стакан с водой, которую некромант сейчас жадно пил.

– Честно говоря, госпожа д'Азфир, я понятия не имею, что происходит и о чем речь, но могу рассказать предысторию этого забега по этажам нашей славной академии, – попытался пошутить Фшен, чтобы немного разрядить обстановку.

Иронию его никто не оценил. Эртониза, кивнув, просверлила его внимательным взглядом, а Винни набычился, как на врага. Видимо, для тролля все было слишком серьезно и совсем не являлось поводом для шуток.

Пересказ происшествия в столовой не занял и пяти минут, а потом опять заговорил Винни. Он попытался объяснить про ритуал ордена, путешествие духом в какое-то странное место и найденную там умирающую женщину, которая его почему-то видела.

– Все это очень странно. – Ректор хмурилась все сильнее. Ее прическа, электризуясь, встала вокруг головы пушистым помпоном с маленькими, посверкивающими между волосками молниями, выдавая замешательство драконицы. – Мне вот что интересно. Вы считали все это реальностью ду-

хов и своеобразным испытанием перед тем, как вам, возможно, дадут ответы на вопросы. Так почему же вы предложили ей стать сердцем башни? Никогда, насколько я помню хроники, сердцем не становилось живое существо. Предметы, жертвенные животные, духи в кристаллах-вместилищах, но вы почему-то решили пообещать умирающей даме новую жизнь. Почему?

На серокожем лице тролля проступило выражение глубочайшей задумчивости. Волнение и паника отступили, видимо, водичка, всученная ему секретарем, была не так проста. Теперь Винни мог здраво поразмыслить, хотя тревога за незнакомку все еще грызла его где-то внутри.

– Я не знаю. – Тролль сцепил руки в замок и, наклонившись вперед, упер локти в колени, разместив на кистях подбородок, так ему легче думалось. – Сначала я был в шоке, что она меня не только видит, но и смогла дотронуться. Она в рукав мне так вцепилась, что оторвать было невозможно! Откуда у слабой умирающей женщины только силы взялись? Она просила спасти ее, даже, кажется, иронизировать пыталась... Но с такой раной ведь невозможно разговаривать? Такая сила духа и такое желание жить... Наверное, таким и бывает настоящее, здоровое и чистое сердце.

Тролль с надеждой посмотрел на ректора, словно ожидая, что драконица сейчас возьмет и развеет все его сомнения. Может, даже скажет, что им с Фшеном все померещилось! Хотя, опять вспоминая бледное запрокинутое лицо,

темные вьющиеся волосы, рассыпанные по снегу, и отчаянную жажду выжить в глазах незнакомки, Винни чувствовал, что очень хотел бы увидеть ее снова, а еще защитить и знать, что у женщины все в порядке. Словно во время ритуала он взял на себя ответственность за ее жизнь, а может, и не только это...

Эртониза была в замешательстве. Шаманские ритуалы были не той областью, в которой она была компетентна, да и изучать эти древние обряды, причем, надо сказать, все еще весьма поверхностно, начали в академии на факультете некромантии факультативно всего с десятков лет назад. Кстати, как раз по вине вот этой сидящей перед ней парочки и еще некоторых необычных персонажей. Впрочем, Винни, даже успокоившись, никак не годился для прояснения ситуации, а значит, придется побеспокоить профессора Рорха, да и, вероятно, не только его.

В этот момент она обратила внимание, что ее собственный секретарь с каким-то странным исследовательским интересом разглядывает широкий затылок тролля.

– Лэри? Что-то не так? – Голос ректора прошелестел по кабинету едва слышно и настороженно.

Морфы были очень опасны в гуманоидной форме, а сейчас ее секретарь был именно в такой и вел себя не совсем обычно.

– Знаете, госпожа д'Азфир, я, конечно, не разглядывал пристально аспиранта Винни Шкарха с такого ракурса, но

могу поклясться, что раньше его затылок был совершенно чист от каких-либо символов и знаков, – снова приняв форму большого пушистого осьминога, сообщил Лэри, глядя на начальницу большими ярко-голубыми глазами с милыми пушистыми ресничками. – И мне почему-то кажется, что эти символы связаны с очень древними шаманскими ритуалами троллего народа и их, прошу прощения, брачными традициями. Хотя я могу ошибаться...

– Чего-о-о?! – раздался рев вскочившего и с ужасающим грохотом опрокинувшего массивное кресло Винни.

Запрыгнувший с ногами на свой стул пустошник пытался разглядеть на макушке вопящего приятеля неведомые знаки, Лэри щупальцами одновременно поднимал кресло и запихивал туда машущего руками возмущенного тролля. Спокойный голос Эртонизы д'Азфир, обращенный к новым посетителям, вошедшим в кабинет, перекрыл весь этот гвалт и мигом привел всех в чувство.

– Вот видите, чем может обернуться присутствие нечисти в академии, да еще в компании кого-то с фамилией Лисовская, профессор Рорх. Рада вас видеть, Мария Спиридоновна, и вас, профессор Кронов, тоже. – Драконица вежливо указала посетителям на свободные кресла у окна и, пока они рассаживались, заметила: – Похоже, история с маяком братства магов не то что не закончилась, а только началась. Если я хоть что-то поняла из недавно сказанного, то наш аспирант посредством шаманского ритуала умудрился прита-

щить в башню существо женского пола из неизвестного мира и обзавестись брачной меткой на затылке. Женщина была тяжело ранена и согласилась стать сердцем маяка. И не спрашивайте меня, как такое возможно! Я пока знаю не больше вашего.

Невысокая полноватая блондинка с приятным круглым лицом в легких лучиках морщин у ярких голубых глаз ахнула, всплеснула руками и большими бирюзовыми крыльями, с которых тучкой сорвалась радужная пыльца и вихрем prošлась по кабинету. Фейская магия привела в порядок стулья, усадив даже секретаря, организовала чай и, ласково потрепав тролля по затылку, заодно спроецировала рисунок с него над столом ректора.

Сейчас бывшая бабулька с Земли Мария Спиридоновна Кунина, а теперь фея – комендант общежития некромантов умела и такое. Все же за столько времени многому можно научиться, особенно имея пытливый ум русской женщины и понимание того, что в хозяйстве все должно приносить пользу.

– Очень древние символы помолвки духов, наносимые на младенцев, – прищурившись, определил профессор Рорх. – Насколько помню, они появлялись во враждующих кланах, если духам было угодно немедленно прекратить вражду. Пока дети росли, взрослые привыкали к мысли об объединении семей. Очень давно не встречалось, поскольку войн между троллями нет уже несколько веков, да и кланы немногочис-

ленны и расселились достаточно далеко друг от друга. А у кого вторая?

– А вот этого мы как раз не знаем, – пожала плечами ректор. – Мой секретарь уверяет, что на Винни до этого он никаких знаков не замечал.

– Думаю, их и не было, – тут же авторитетно подтвердил мнение Лэри профессор Кронов, эффектный пепельный блондин с темными глазами, красно-коричневыми, словно переспелые вишни. – Ниле и Эм уж точно заметили бы, поскольку давно облюбовали макушку нашего новоиспеченного жениха в качестве средства передвижения. Так что рисуночек совсем свежий, и мне тоже интересно, кто та счастливица.

– Знаете, Генрих Викторианович, не стоит так иронизировать! На мальчике лица нет, столько потрясений зараз! А любовь? А бедная женщина в башне совсем одна? Шутки сейчас совсем не уместны! – рассердилась на Кронова бабушка Маша. – А та девочка, которую Винни перенес, не троллей расы, случайно? Может, это она?

Мария Спиридоновна искренне переживала за добродушного гиганта, который вместе с другими некромантами, проживающими во вверенном ее заботам общежитии, давно и прочно занял место в ее сердце.

– Предлагаю перестать гадать, а посмотреть самим, – встал и подошел к троллю рыжеватый, высокий и худой как щепка профессор Порх, доставая из кармана небольшую чер-

ную коробочку. Еще будучи личем, он изобрел прибор, помогающий переводить воспоминания в проецируемые или записывающиеся мыслеформы, что существенно облегчило приемные экзамены. – Возможно, мы что-то упускаем из виду, что-то важное! А учитывая оставшуюся во фронтире одинокую раненую попаданку, время идет даже не на дни, а на часы!

Черные шарики со чпоком присосались к вискам Винни, и он закрыл глаза, сосредоточенно уносясь в воспоминания о проводимом ритуале, нарисованном круге со старым дневником, провале темного двора чужого мира с тусклым фонарем, странными железяками и женской фигурой, распластавшейся на окровавленном истоптанном снегу.

Глава 3. Надо что-то делать

Одиночество – крайне неприятное чувство, но особенно остро оно ощущается, когда ты торчишь одна-одинешенька на самом верху непонятого сооружения, а вокруг куда ни глянь расстилается мрачная чащоба в тумане и облака.

– Вертолет? Да не! Дорого же таким макарком меня сюда тащить, а дорог не видно.

Наша попаданка, все еще надеясь, что это какая-то дурацкая шутка, осматривалась по сторонам.

Откуда-то снизу, из леса, словно посыпанного пеплом и затянутого дымным туманом, раздавалось рычание, протяжный вой, повизгивание и прочие звуки активно живущей там фауны. Но в этом странного ничего не было, на то он и лес. А вот что было странным, так это небо. Точнее, не само небо, а аккуратное, круглое, словно вырезанное из хмурых свинцово-серых туч, пятно точнехонько над башней. Красивенькое и голубое, но совершенно не подчиняющееся, по мнению Крохалевой, никаким законам природы.

– Может, тут аномалия какая-нибудь? Но я-то тут при чем? – размышляла Надя. – Интересно, что внизу тогда творится?

Высоты она не сильно боялась, но когда ты находишься на верху не новенькой, а совсем даже откровенно древней

постройки, торчащей посреди леса как Останкинская телебашня, то топать к краю во весь рост, чтобы удовлетворить свое любопытство, – глупость несусветная.

– Никто меня не видит, а значит, можно и так, – рассудила Надежда и, встав на четвереньки, медленно и аккуратно подползла к краю, а у самого парапета вообще распласталась на пузе. – Пуховик все равно грязный и испорченный, а я еще жить хочу. Ого! Все-таки, похоже, и правда аномалия!

Увиденное Надей на земле почти зеркально отражало ситуацию на небе, только идеальный круг был образован зеленой растительностью, которая кардинально отличалась от остального леса.

А еще где-то у границы круга она разглядела непонятное шевеление. С такой высоты было только понятно, что внизу какое-то очень крупное существо. Словно почуяв взгляд Наденьки, шевелящееся в зарослях нечто неожиданно заныло и захныкало с таким пронзительным всхлипом и так громко, что у нее заломило виски и закружилась голова. Если бы Надя не лежала на животе или высунулась чуть дальше, лететь бы ей вниз, поскольку сознание начало уплывать, словно ей стукнули по голове.

Резкий рывок назад привел Надежду в чувство и вызвал очередной шок. Что произошло, она не понимала, но сейчас неведомая сила прижимала ее спиной к чему-то вроде очень пыльной стеклянной колонны, внутри которой, выплывая из отверстия снизу, поднимался едва светящийся граненый

шар из зала с напольным рисунком.

Разглядывать странное явление через плечо было неудобно, и Надя попыталась развернуться. Невидимое нечто, что оттянуло ее от края крыши, повернуться позволило, но отойти от штуковины посреди крыши больше чем на шаг не дало. Наденька словно в стену упиралась, мягкую, пружинящую и совершенно невидимую стену.

Надежда потерла рукавом куртки мутное стекло и, разглядывая кристаллическую сферу, недовольно пробурчала:

– Ну спасибо! Прыгать я точно не планирую, как и падать. Не спятила еще пока! – Она вглядывалась в мелкие, чуть мерцающие тускловатые грани. – Может, это камера? Или много камер? Эй вы! Вы где? Где я? Что вам от меня надо?

В центре шара, словно там услышали ее призыв, неожиданно начала разгораться крошечная, как огонек свечи, яркая точка. Наденька как замороженная, не моргая, смотрела на огонек, а потом ослепительная вспышка, словно раскаленная спица, пронзила ее мозг, и Надя закричала, срывая связки. Слезы лились, руки судорожно рвали ворот куртки, пытаясь дать доступ к кислороду задыхающимся легким.

Когда Надежда пришла в себя, то обнаружила, что снова находится в зале. Лежит навзничь в центре рисунка, а над головой темнеет граненый кристалл. Сейчас этот шар почти не светился, израсходовав практически весь магический резерв, который накопил во время шаманского ритуала Винни

с компанией студентов из академии.

Круг свободного от фронта пространства вокруг старого маяка опять сузился, но зато магическая башня смогла на миг подключиться к сознанию своего нового живого сердца и теперь замерла в ожидании.

Сердце должно было выполнить свою работу: пробудить в маяке жизнь, очистить магию и навечно изгнать поселившееся тут зло.

Только вот это сердце, очнувшись Надя, сейчас тихо истерило, рыдая взхлеб и поскуливая от страха и безысходности. Осознание того, где она и кто она теперь благодаря магии, пришло к ней настолько явственно, что не верить этому причин не осталось. Надежда была в шоке и ужасе. Принимать действительность не хотелось, хотелось надеяться, что это кома, сон или глупый розыгрыш.

– Какая работа? – всхлипывала она, сжавшись в комок на грязном каменном полу. – Какая магия? Какое зло? Я только обычная женщина! Что я должна делать? Я ничего не умею!

А незримое зло башни, конечно, не дремало и, упиваясь отчаянием напуганной попаданки, с удовольствием комментировало ее причитания:

– Бесплезная и бестолковая. Жаль, что не свалилась с крыши. У меня был бы прекрасный свеженький труп, и если удалось бы его заполучить, то добраться до нужной мне магии фронта не представляло бы труда. Но ты даже сдохнуть мне на пользу не можешь, тупая самка человеческого

рода!

Киорензир О'Лоорген завис над лежащей на полу женщиной. Злобный дух древнего мага, творца химер и кадавров, создателя серой фронтирской магии и разжигателя межрасовых войн, бесновался от собственного бессилия. Все, что мог полукровка эльфа и дроу, взявший от родительских рас худшие черты и пороки, так это излить на оказавшуюся в башне попаданку словесный яд. К счастью, мерзкого духа давно почившего садиста и маньяка Надежда не видела и не слышала.

Она паниковала от перспективы торчать одной в древней магической постройке, абсолютно не зная, чего от нее хотят. Единственное, что она поняла, так это что «помог» ей оказаться в этой ситуации тот самый некромант, которого она молила о помощи. И надо сказать, что сейчас никаких теплых чувств к «спасителю» Наденька не испытывала.

– Лучше бы я умерла, – рыдала она. – Как теперь жить-то? А бабушка? И где этот притащивший меня придурок? Попадись он мне только!

Эмоции отчаяния, хлеставшие из женщины, неожиданно произвели странный эффект. Кристалл башни помутнел еще сильнее, и в зале стало темнее.

Киорензир О'Лоорген взлетел к шару и просиял.

«Отличное сердце! Просто шикарное! Лучше, чем вещь или жертва, и гораздо лучше, чем дух. Они упрямые твари и практически неязвимые. – Злобная сущность мертвого мага

лучилась довольством и надеждой. – Оказывается, и от этой тупой и отвратительно живой твари есть польза! Ее страдания и жалость к себе, ненависть к кому-то, отчаяние и прочие прелестные эмоции высасывают остатки магических запасов проклятой постройки! Скоро это будет просто груда камней, и моя желанная живительная серая магия хлынет ко мне».

Впервые за несколько столетий Киорензир О'Лоорген обрел надежду воскреснуть и воплотить в жизнь свои прерванные орденом братства магов кошмарные планы.

Только вот рано он радовался, поскольку, как известно, истерика русской женщины заканчивается так же быстро, как и начинается, отчаяние перерастает в твердую решимость выжить во что бы то ни стало, а такая решимость приводит к энергичной и кипучей деятельности.

Пока дух предавался мечтам о свободе и наполеоновским планам, Наденька Крохалева успокоилась, встала с грязного пола, отыскала в кармане куртки мятый носовой платок, утерлась, шумно высморкалась и приняла важное для себя решение.

– Раз уж я сюда попала и мне здесь жить, то сначала надо как-то устроиться. – Этим мудрым мыслям вторила трель голодного желудка, а еще чесался под выпачканной одеждой шрам на груди, вызывая мысли о необходимости раздобыть воды, и если не помыться, то хотя бы обтереться, а еще что-то придумать с курткой и кофтой, заскорузлыми от засохшей

крови.

– Может, этот гад, который меня сюда притащил, хоть о чем-то позаботился, – ворчливо рассуждала Наденька сама с собой, выйдя из зала и спускаясь по лестнице. – Должен же он был мне обеспечить хоть какой-то комфорт проживания или нет? Хотя говорил, башня вылечит, башня то, башня сё...

Надя провела пальцами по потускневшей, еле мерцающей цилиндрической стене, вокруг которой вилась лестница.

– Башня, башня... Она, старушка, вон сама еле живая, – внезапно пожалела Надя древнюю постройку. – Никто за ней не ухаживает, и еще она что-то делать должна. Вот найду, где водички взять, и отмою что смогу! Мне все-таки здесь жить. А этот горе-спасатель пусть только заявится с проверкой, уж он у меня тут ремонтом займется!

Почему-то Наденька была теперь уверена, что некромант появится, чтобы проверить, как она выполняет свою «работу», расплачиваясь за спасение жизни.

К слову сказать, бедный Винни и сам рвался в башню, правда не с проверкой, а спасти недоспасенную женщину, забрав ее из опасного места.

Разумеется, тролля отпускать туда никто не собирався, но и попаданку без помощи тоже решили не оставлять.

– Видимо, судьба у этой девочки там побыть, пока что-то не выполнит, – печалилась Мария Спиридоновна. – Мир ведь этот если притянул да путь ей назначил, маши, не маши

крыльями, не улетишь.

Бабушка Маша знала это как никто. Столько ей самой пришлось пережить, пока свое место в мире не нашла. Даже феей стать хоть и не желала, но пришлось.

Эртониза д'Азфир решила не созывать полный совет педагогического состава для организации помощи попаданке. К этой миссии помимо феи Марьи, которая после просмотренных воспоминаний тролля утверждала, что женщина точно землянка, были привлечены еще профессора некромантии Рорх и Кронов, профессор артефакторики О'Валинтер и завхоз академии Пафнутий Саврасович Шнырь. Все они обсуждали доставку в башню продовольствия, вещей и по возможности средства связи, которое сможет работать в условиях блокировки обычных магических сигналов фронтирским серым магофоном.

Пока педагоги разрабатывали свой план, Винни брел по парку в сторону некромантского общежития. Фшен, убедившись, что тролль вменяем, не спятил и, успокоившись, ведет себя адекватно, ушел искать Дерека Вольтецкого. Пустошник собирался рассказать ему про родственную связь и незавершенный ритуал, а заодно решить, как теперь быть и не грозит ли все произошедшее бедой семье Вольтецких.

Поэтому Винни брел один, занимаясь самоедством и ругая себя за глупость и неосторожность при проведении ритуала.

«Дед бы знал. Наверное, гонял бы меня палкой своей по

всему стану, – размышлял тролль. – Не посмотрел бы, что я взрослый, выпорол бы на площади как тролленка, что чужие ульи на пасеке объедать полез, да попался».

Поселение троллей одной семьей на несколько домов называлось стан. Даже поговорка бытовала: «Где тролль встал, там и стан, где прилег – там и дома порог». Стан мог насчитывать и до десяти – пятнадцати отдельных домов, главное, что жили там кровные родичи.

– Винни, Винни! – отвлекли его от мрачных мыслей звонкие девичьи голоса. – Тебя уже выпустили от целителя Бяо? Мы тебя в столовой искали...

К троллю вприпрыжку бежали по тропинке две девушки. Худенькая русоволосая природница с тонкими чертами лица в комбинезоне цвета горького шоколада со множеством карманов и невысокая черноволосая брюнетка-боевичка с круглыми глазами и короткими косичками, в ярко-розовом комбинезоне. За барышнями, смешно переваливаясь на коротких лапах, пытая и ворча под нос насчет спешки и суеты из-за какого-то тролля, спешил здоровенный колючий зверь темно-малинового цвета с зеленоватыми пятнами, как будто облепленный плесенью. Это был фронтирский метаршигл, говорящая нечисть и питомец Ильмары Лисовской. Тот самый, из-за любопытства и авантюризма которого они и попали на фронтирский маяк, вместо того чтобы веселиться на ежегодном балу в честь поступивших первокурсников.

– Это ты во всем виноват! – раненым зверем взревел мо-

ментально разозлившийся при виде Шуршегрема тролль, но девушки, сообразив, что что-то не так, тут же загородили зверька собой.

– Винни, ты чего? Все виноваты! Мы могли бы его и не слушать. Тем более все хорошо, никто не пострадал, и нас спасли, – заступаясь за питомца, сердито стала выговаривать огромному приятелю Илька. – Ты же мог всех отговорить или не ходить с нами. Мы все могли. Грема только ключ нашел и картинку. Он же не знал, что там портал в то жуткое место. Даже госпожа д'Азфир про портал не знала, а академия тут находится уже не одно столетие! И вообще, все закончилось! Чего ты вдруг взъелся ни с того ни с сего?

Винни стало немного стыдно. И правда, чего это он? После осознания того, что нечаянно натворил, готов в любом видеть виноватого. Тролль помрачнел и нехотя рассказал о том, что недавно узнал от пустошника.

– Теперь вот она там совсем одна. Без вещей, без еды, а вокруг фронтир и его твари! И все из-за меня! Но я не знал, не думал... – поделился он своими тревогами.

– Ну вот! А на меня-то попер дуром.

Из-за спин девушек метаршигл позволил себе ехидное бурчание в адрес тролля.

– Хотя... – Плюхнувшись на упитанный зад, Грема вдруг вспомнил и озвучил одну важную деталь: – Еды-то ты там ей точно оставил, не помрет! А может, и еще чего. Я точно помню, что ты в одной комнатухе на стол из пространственни-

ка кучу всего вперемешку вывалил, а потом Хмышов заухал, девчонки завопили. Так и остались твои вещички в башне. Там, надеюсь, ничего ценного не было? Одну булочку я съел, вкусная была, точно помню.

У Винни частично отлегло от сердца. Ведь и впрямь он там много чего достал, и еды было достаточно даже троллю, а значит, женщина должна ее найти и продержаться, пока ее не спасут.

– А оружия там, кажется, не было, – меж тем продолжал припоминать наблюдательный Шуршегрем. – И если та тетка выйдет наружу, то ее, наверное, съедят.

Разглагольствования метаршигла некроманту не понравились, да и девушки зашикали на зверя, а Винни предложили передать попаданке что-нибудь подходящее для защиты, мало ли какая нечисть сможет в башню забраться.

– Ой, а вдруг она ничем пользоваться не умеет? – Гульсия вытащила из внутренних ножен в складках комбинезона небольшой стилет и ловко прокрутила в пальцах. Пока еще весьма упитанная, боевичка была довольно неуклюжа, но некоторым бесполезным в бою, но эффективным приемам уже научилась.

– Вряд ли разрешат отправить что-то стоящее, – взгрустнул Винни, вспоминая любимую дубинку. – Да и как она будет этим пользоваться?

– Пф-ф-ф! Подумаешь! – раздался тоненький голосок сверху, и на плечо огромного приятеля приземлилась кро-

шечная фейка с серебристыми крылышками и пепельными волосами. – Вот у бабушки Маши помните какая поварешка? Она сама по себе и защитит, и отмутузит кого хочешь, уметь ничего и не надо!

– Бабуля поварешку не даст! Да и не будет та у чужой женщины работать, тем более, Ниле, у нее магии нет совсем, – еще больше опечалился здоровяк. Идея с поварешкой ему понравилась.

Впрочем, сбить Ниле с толку не получилось. Доброй фейке было жаль неизвестную тетеньку, да и Винни тоже, а еще она прекрасно помнила, как они с Эмом оживили чайный сервиз, который сейчас в полном составе жил в доме-крежне кикиморы Манефы Ауховны.

– Так мы сами зачаруем что-нибудь подходящее и отправим, – предложила фейка. – Тоже что-то кухонное, чтобы женщина пользоваться могла. Будет и помощник, и защитник. И можно не одну вещь, а несколько на всякий случай. Надо только, чтобы хорошие были, с характером, но добрые.

– О! У меня же из дома есть кочерга с ухватом, правда, там еще куча ленточек, и все запутано, – оживилась Илька. – Они и без магии отличное оружие, мамка как-то по огороду отца два часа гоняла за то, что про ее именины забыл. Там точно характер будет, да и злыми они не могут быть, они же наши, семейные.

– Ну, я не совсем это имела в виду, – задумалась Ниле. – Что-то попроще, не такое крупное.

– Я найду! Я куплю! – Винни огляделся по сторонам, не подслушивает ли кто. – Только не надо никому рассказывать, а то вдруг ректор запретит. Надо просто положить как инвентарь, типа там нет его в башне.

– Бабуля все равно догадается, почует родную магию! – заявил вредный метаршигл. – И много все равно отправить не дадут! Еще ведь неизвестно, как они отправлять собираются!

– Помолчи, Грема! – осадила Шуршегрема Гульсия. – Пусть Винни купит что-нибудь простое, типа скалки или сковородки. А если получится, то и кочергу с ухватом отправим. Главное, чтобы фейская магия правильно сработала и они хорошими получились, не вредными, как ты!

– Да мы с Эмом уже такое умеем! И с бабушкой Машей договоримся. Такое сотворим, что ух... – Ниле, взлетев, сделала пируэт в воздухе. – Вечером встречаемся на кладбище за склепом Рорха, там и помагичим над тем, что принесете. Хороших помощников сделаем, не одна она там будет.

К слову, мысль про использование фейской магии как самой подходящей и наиболее надежной в данном случае пришла не одной Ниле. Мария Спиридоновна в своем миреке у волшебного прудика под бубнеж упитанной золотой рыбки Карпа Поликарпыча и под любопытным взглядом загорающей на травке русалки Уляши создавала уникальный в своем роде фейский артефакт-переговорник, который, по ее задумке, должен был работать внутри старинного маяка.

Глава 4. Находки, незамеченная магия чистоты и посылка с небес

– Ничего себе кладовочка! Точнее, так-то кухонька, и странно чистенькая в этой пылище и грязище. – Надежда заглянула в очередную комнату, попавшуюся ей во время спуска, и глазам своим не поверила.

Небольшое помещение с каменными стенами и полом, немудреной мебелью в виде шкафчиков с разделочной поверхностью с одной стороны и сундуками и ящиками с другой и правда выглядело как только что прибранное. Но больше всего попаданку здесь манило небольшое окошко, углубленное в стену, такая своеобразная ниша с широким подоконником, и добротный стол, на котором лежало много чего в ее ситуации завлекательного.

– Только вот золотистая мерцающая пленочка над всем этим добром меня настораживает, – рассуждала она все так же вслух сама с собой, медленно подходя в первую очередь к массивному деревянному столу, стоящему посреди помещения. – Вдруг я сунусь, а меня током каким-нибудь шарахнет или поджарит? Хотя ради вон той колбаски, что торчит из-под какой-то мохнатой шкуры, кажется, даже и не страшно. Не для того же меня сюда забросило и вылечило, чтобы тут

же ухлопать? Я же башне зачем-то здоровая нужна и, надеюсь, вменяемая.

Надежда обошла вокруг стола с грудой наваленных вперемешку на столешнице соблазнительных вещей и продуктов, над которыми мерцало золотистое марево непонятного свойства. Очень хотелось есть, а еще радовала и одновременно настораживала чистота в помещении. Ведь это тоже было странно и совершенно необъяснимо.

Наденька понятия не имела, что до ее появления здесь побывала кучка студентов-магов, нечаянно попавших в ловушку древнего портала. Они и вытащили из пространственного кармана, имевшегося у двоих из них, множество полезных вещей, боясь, что их магия опять исчезнет, как было до попадания внутрь башни. А бывший в составе компании второкурсник бытовик машинально наложил простейшее заклинание сохранения на все, что оказалось на столе, и очистил помещение, где они собирались есть.

Компании недоучек повезло, к ним смогла пробиться помощь, а нашей Надежде досталось все, что они тут оставили. Тоже в своем роде везение.

Правда, она хоть и обрадовалась странным подаркам судьбы, но отнеслась к ним настороженно, решив поискать в помещении что-нибудь подходящее, а не лезть руками.

– Рук у меня всего две, и они мне еще пригодятся! Надо найти что не жалко, например вот эту штуку. – Из шкафчика в углу с потертыми, щербатыми, но чистыми кастрюлька-

ми и мисками Надя вытащила что-то похожее на гигантские щипчики с зубчатыми краями. – Не знаю, зачем была нужна бывшим хозяевам башни эта фиговина, но мне, если что, она на кухне не понадобится, – решила она, и нет, не ткнула странным предметом в подозрительное мерцание, а попыталась метнуть как копье.

Откровенно говоря, копье из старинных щипцов для гигантских моллюсков – раньше вокруг маяка был не лес, а плескались морские волны – было так себе. Хотя задачу свою они выполнили: краем, уже падая, задели магическую пелену и заставили бытовое заклинание замерцать и схлопнуться. Так вели себя все неподпитываемые заклинания бытового стазиса и тепличных купола природников.

Впрочем, Наденька оставалась настороже – все же прожитые годы и память о любимой пословице бабули про бесплатный сыр наложили свой отпечаток и не дали сразу же кинуться проверять, чем она теперь может поживиться. Наша попаданка подобрала уже опробованные щипцы и, неловко держа их двумя руками, попыталась подцепить ранее замеченный кусок колбасы, аппетитно торчащий из-под пятнистого меха. Жирненькая колбаска никак не цеплялась, еще и меховая пакость мешала. В итоге, прикусив кончик языка и пыхтя, Надежда ухватила-таки одним из тупых зубчиков здорового кухонного прибора веревочку на конце, при этом дернув и сбив на пол пятнистую меховушку. Та оказалась нелепой ушанкой, словно сшитой из домашнего Мурзика. Шап-

чонку Надя проигнорировала и все же рискнула взять колбаску руками. А вдохнув умопомрачительный копченый запах с дымком и специями, наплевала на все и напрочь забыла про осторожность.

Желудок взвыл дурниной и отправил в нокаут все имеющиеся мозги. Организм восстанавливался и хотел есть – даже не есть, а жрать! И скажи сейчас кто-нибудь Наденьке Крохалевой, что эта ароматная мясная колбаса отравлена, она бы даже не услышала доброхота.

– В натуральной оболочке. М-м-м... – с наслаждением вгрызаясь в сочную жирненькую добычу, пробурчала она, причмокивая, и была потеряна для мира на ближайшие пять минут и ровно одну треть отвоеванного у шапки колбасного батончика. Потом набитый желудок сыто впал в спячку и позволил очнуться мозгам, которые, осознав некоторые моменты, пришли в ужас.

Первое, что сделала Надежда, это внимательно и с удовольствием осмотрела груды на столе, перед тем как начать ее разбирать. Следовало найти скоропортящиеся продукты, подходящую одежду и как минимум освободить стол. Потом она внезапно осознала, что ее руки явно не эталон чистоты, а сейчас это еще усугубилось колбасным жиром.

– Божечки, я так, пожалуй, одичаю и помру от какой-нибудь дизентерии! – Надя с ужасом оглядела себя и поняла, что помимо засохших следов крови она еще и пыли с грязью на себя собрала, лазая по башне. – Так! Срочно нужна вода

и переодеться!

И как раз в углу рядом с тем самым единственным окном она углядела что-то похожее на металлический желтоватый латунный тазик. Он стоял в одном из тумбообразных столов, над которым торчала выходящая из стены изогнутая загогулина. Кран она напоминала чисто теоретически, потому что торчала не вниз, как приличный кран в рукомойнике, а вверх, и при этом ничего похожего на вентиль или еще какое приспособление, открывающее воду, видно и в помине не было.

– Все же мне кажется, это то, что я думаю. – Надюша, как лиса вокруг вороны с сыром, крутилась рядом с пародией на сантехнику, равнодушной к ее жажде гигиенических процедур. Последовало махание рукой над тазиком, торчащим вверх краником, обстукивание стены, из которой пресловутый краник, собственно, и торчал. В итоге уже раздраженная и возопревшая в так и не снятом замурзанном пуховике Наденька Крохалева ухватила непокорную железяку, дернула на себя, потом в одну сторону, в другую и с удивлением поняла, что поддается!

Стоило повернуть носик вниз, к тазу, как из крана хлынула вода, пусть пока ржавая и совершенно холодная, но оптимизм Наденьки сразу подскочил до небес. Ведь все обитатели ее уже, похоже, бывшей земной родины прекрасно знали, что после аварии или отключения водичка должна стечь.

– Стечет и, надеюсь, станет почище, а что холодная, так

нагреть можно, – оптимистично бормотала Надежда, пытаюсь сразу, не дожидаясь, смыть хоть часть крови, грязи и колбасного жира. – Мыла бы, конечно, или тряпку какую...

Она оглянулась и прищурилась, с интересом исследователя примериваясь ко всему тряпочно-текстильному на обеденном столе. Но потом с огорчением поняла, что вещи там выглядят чистенькими, а некоторые – даже откровенно дорогими, если судить по переливающейся кое-где материи. Несимпатичной выглядела только мохнатая шапка, но она для целей Нади была явно не пригодна.

Пришлось шарить по немногочисленным шкафам. В результате поисков Надежда обнаружила в нижнем ящике что-то похожее на старенькие полотенца, каким-то образом не истлевшие со временем. Вот только, резко распрямившись, она умудрилась опять приложиться многострадальной головой о выдвинутый и не задвинутый ею верхний ящик.

– Да что же за невезу-у-уха! – взывала пострадавшая охотница на кухонный текстиль, вытирая найденными тряпками выступившие слезы. – Сколько ж можно!

Решительно поднявшись с колен, она прошагала к журчащему уже почти прозрачной водичкой кранику и одним из полотенец тщательно, насколько возможно, оттерла руки. Потом сняла с себя осточертевший пуховик и принялась вытаскивать из груды вещей все, что было похоже на одежду.

– Э-э-э... плащ? Наверное, он, но будет покрывалом! Видать, здоровый был владелец, – осмотрела Надежда черное

плотное полотнище с застежкой с одной стороны. – А это что? Семейники с черепами? На гориллу? Обалдеть! Они что, шелковые?

То ли труселя, то ли подштанники очень объемного индидуума ее шокировали. Ткань на них была потрясающая – переливчатая и гладкая, холодящая пальцы, глубокого черного цвета с серебристыми черепами, да к тому же еще и вышитыми.

Так что Наденька надолго зависла над нижним бельем тролля, держа вещичку на вытянутых руках двумя пальчиками. Все же хайрехсильский шелк ей раньше видеть не доводилось, и его искристое мерцание просто завораживало.

– Соберись, Крохалек! Это тебе явно никуда не пригодится! – с сожалением отложила она заманчивую по качеству тряпочку. – На ветошь жалко, а больше и некуда. Во-о-от! А это уже интереснее.

Потянув за что-то вязаное, Надя извлекла белый и тоже немаленький свитер, немного присыпанный хлебными крошками. Размерчик, конечно, был сильно оверсайз, но рукава подвернуть – и сойдет на первое время.

Стянув с себя еще и испорченную кровью и дыркой от оружия нападавшего кофту, Надежда нырнула в неожиданно уютный вязаный балахон.

– Почти платье до колен, тепло и не жарко, двигаться удобно, рукава... Ой!

Рукава неожиданно сами собой дернулись вверх и стали

короче. Они были все такие же широкие и длинноватые, но теперь хотя бы не болтались, как у Пьеро.

Свитер для сына связала мама Винни. Почему-то троллиха решила, что белый ее серокожему отпрыску тоже к лицу, не все же в черном и сером ходить, хоть и некромант. Пришлось мужчине потом носить подарок любящей матушки к Азалии, чтобы зачаровать на немаркость и автоматическое укорачивание рукавов по локоть. Все же в силу профессии не всегда можно успеть переодеться, а подарок стоило поберечь.

Никто, кроме дриады, за такую работу не брался, бытовые заклинания на вещах некромантов держались не особо хорошо. Исключение составляла только специально обработанная форма академии. Справиться с задачей могло лишь искусство непревзойденных бытовых талантов, к каковым принадлежала Азалия, известный, хотя и весьма эксцентричный, дизайнер дамского белья и кружевных плетеных аксессуаров.

Переодевшись и крутясь, чтобы оценить себя со всех сторон, Наденька весьма неудачно наступила на попавшуюся под ноги пушистую укрывательницу колбасы, небрежно забытую на полу.

– Да чтоб тебя!

Потеряв равновесие и неловко заваливаясь, Надежда ухватилась за стол и сумела удержать себя в неудобном полуприседе, не шмякнувшись со всего размаха на попу. Толь-

ко вот пальчики вместе с надежной столешницей цапнули еще и какие-то шнурки, которые от рывка дернулись, и на бедную головушку многострадальной попаданки свалилось несколько монеток. Упав, они со звоном разбежались по каменному полу, а одна покатила и даже почти нырнула в распахнутую дверь на лестницу. Но, видимо, силы денежку оставили, и беглая наличность замерла на самом пороге, заманчиво поблескивая серебристым металлом.

– Ауч! – Вроде и не сильно тяжелые были железячки, но одна угодила прямо в болючую шишку, вызвав массу эмоций и слов, которые приличные дамы употреблять не должны.

Подлая шапчонка была схвачена, но первое намерение скинуть ее с башни куда-нибудь вниз или начать оттирать ей лестницу почему-то быстро прошло.

– Вроде выглядит по-дурацки эта закуска для моли, – опять рассуждая себе под нос, забубнила Надежда, – но вот жалко ее как-то, мягонькая такая.

И она, недолго думая, нахлобучила ушанку себе на голову.

– Пофиг, как я выгляжу. Главное – и мохнатая вредительница не мешает, и голова, если что, не пострадает или меньше пострадает, – нашла Надя для себя пользу от нелепого головного убора. – Даже и не жарко в ней, кстати, и голова меньше болит. А может, она лечебная?

Все время витающий рядом с никчемной человечкой дух Киорензира О'Лооргена злобно зашипел и заплевался, ругаясь на чем свет стоит.

Шапка не была лечебной и даже магической. Не было в ней никакой магии, зато она неоднократно украшала собой макушки тролльих шаманов при ритуалах в зимнее время, помогая очистить мысли и сосредоточиться, одновременно напитываясь силами владельцев. Ну и голова не так мерзла, конечно. Это на глупой тетке шапка нахлобучилась на всю голову и повисла ушами вниз, а вот если она соберется на макушке и уши, как положено, поднимутся вверх, то мерзкая человечка даже сможет увидеть духов!

«Хотя, – облетев вокруг вставшей с пола и зарывшейся опять в кучу тролльего барахла Надежды, решил злобный маг, – может, это было бы и неплохо, глядишь, напугал бы дуру до того, что она бы окочурилась и предоставила мне свою жирную неуклюжую тушу в качестве временногоместилища».

Вообще-то, ни жирной, ни даже особо толстой Наденька не была. Во времена древней Руси таких женщин называли статными. Высокая, под метр девяносто, и широкобедрая, с длинными крепкими ногами и прекрасным бюстом, который сейчас под балахонистым свитером был практически незаметен, она, конечно, сильно отличалась от привычных Киорензиру тщедушных эльфийских красоток или гибких, как пруттики, мускулистых и хищно-опасных воительниц дреу.

Хотя и на Земле под современные каноны красоты Крохалева мало подходила. Еще в школе прозвище «Крохалек» для рослой Надюшки звучало издевательством. Сейчас, к

тридцати с хвостиком, ей было наплевать на всякие прозвища. Улыбчивая оптимистка за прилавком кондитерской нравилась мужчинам-покупателям, вот только они на нее впечатления не производили. Какие-то мелковатые, какие-то откровенно любящие тортики до состояния, когда сам обретаешь форму тортика, а чаще всего с ней заигрывали женатики, даже не стесняющиеся обручального кольца на пальце. «Того самого» Наденька до сих пор так и не встретила, хоть и продолжала ждать.

Сейчас же она надеялась найти еще что-то полезное в доставшихся ей от неизвестных личностей богатствах. Денежки она заботливо собрала и сложила в тот же мешочек с распутившимися завязками, с интересом рассмотрев незнакомые монетки.

– Ну, тратить их тут негде, да и все же деньги это, нехорошо. Еду съесть можно, все равно пропадет, вещи позаимствовать на время, а деньги надо зарабатывать. – Надежда решительно убрала кошелек в ящик стола, где уже лежала толстая книжка в заскорузлом шероховатом переплете.

Еще один источник знаний она открывать не стала, только сбегала наверх, в зал, за валявшейся там такой же старой потрепанной тетрадкой, переставшей светиться, и сложила их вместе, решив, что изучит потом.

Водичка из крана все текла и даже стала прозрачной, поэтому, найдя кружку, Надя рискнула попить. Все равно другого выхода не было, а кипятить пока непонятно как и на

чем.

– О, булочки, и даже мягкие! – копаясь в вещах на столе, обрадовалась она как родным пухлым кругляшкам из разорванного бумажного пакета. – Видимо, отсюда и просыпались на свитер крошки. С вареньицем, ум-ням-ням.

Довольная, неожиданно умиротворенная, с кружкой воды в одной руке и аппетитной румяной булкой в другой, Надежда подошла к окну. Словно откликаясь на ее внутреннее состояние, кристаллический шар замерцал и засветился чуть ярче, сжавшееся пятно фронтирской заразы опять откатилось от башни. Из-за этого почуявший неладное и слетавший наверх проверить Киорензир О'Лоорген заскрежетал зубами и принялся ругаться на всех известных ему языках. Злобного духа Надя не слышала, а вот внезапный громкий рев кого-то огромного откуда-то сверху услышала очень явственно.

Причем башня внутри явно глушила звуки той жути, что заставила Крохалеву наверху почти сойти с ума, а вот эти сверху пропустила.

– Такое впечатление, что там стая тигров рычит в небе. Жуть какая, – поежилась Надя. Но башня, чуть подпитавшись ее положительными эмоциями и воспрянувшим духом, решила опять потратить часть магии на помощь нечаянной попаданке, ставшей ее сердцем и надеждой на восстановление.

– Солнечный зайчик? Здоровенный какой! Откуда, интересно? – В поле зрения Наденьки на каменном полу игриво

замигало пятнышко манящего света. – Как будто зовет куда-то? А это не опасно, ходить за неизвестно откуда взявшимися зайчиками?

Надежда оглядела кухню и не обнаружила источника света, а пятнышко на полу все настойчивее, как щенок, бежало от нее до двери, постепенно тускнея. Наконец наша попаданка все же решилась посмотреть и, отложив недоеденную булку, отправилась за «зайчиком».

– Ну, ожидаемо. Только как-то не очень хочется, – заключила она, оказавшись вновь в зале с рисунком и обнаружив пляшущее пятнышко света на люке, ведущем на крышу. – Там что-то рычит и ревет. Не думаю, что стоит рисковать и удовлетворять свое любопытство! Быть съеденной мне точно не хочется.

Башня и так потратила много магических сил, чтобы привести попаданку куда надо, и поэтому церемониться не стала.

– Ай! – В мозг Крохалевой вместе со вспышкой опять угасшего шара словно иголкой впиалась мысль, что надо бежать туда, на крышу, и быстрее. Очень надо!

– Вот, блин, и пообщались, – хмуро погрозила кулаком помутневшему граненому кристаллу Наденька и прислушалась.

Рычание наверху стало какое-то тоскливое, словно зверь не мог тут больше находиться и собирался убраться восвояси.

– Была не была! – Решив, что древняя машина не должна желать ей зла, Надя опять стала карабкаться по узенькой металлической лесенке. Выснулась наверх она именно в тот момент, чтобы увидеть, как в пяточке синего неба посреди сжимающихся хмурых зловещих туч в настоящем, искрящемся молниями портале исчезает огромный фиолетовый дракон с крошечными фигурками двух седоков на спине.

А на крышу прямо с неба, окутанный разноцветным маревом крошечных частичек, сначала плавно спускается, а потом практически падает здоровенный ящик.

Круглыми глазами наша попаданка проследила, как испаряются радужные искорки странного груза на подлете к крыше. Метров с двух гигантская посылка с небес просто упала с громким «бам», «кряк» и «хрусть». Правда, не развалилась на части, а только чуть треснула сбоку.

Из этого квадратного ящика высотой почти с пол-Надежды, к ее безмерному удивлению и легкой панике, вдруг неожиданно послышался разговор.

– Похоже, прибыли на место? – раздался голос вроде как пожилого мужчины. – Ты как, мать?

– Ох и долбануло же нас! Стара я для такого путешествия, – ответил ему звонкий старушечий голосок.

– Так нас откроют или нет? Тесно тут из-за всякого барахла! Постучать, что ли? – В крышку чем-то забарабанило, вторя еще одному голосу, который Наденька бы описала как

голос рыночной торговки средних лет.

– Да помолчите вы! – вдруг встрял в многоголосье взрослых совершенно детский, неожиданно пацанячий голосок. – Может, нас и не встречает никто? Эй, хозяйка, ты тут? Открывай! Помощь приехала!

Глава 5. Сказка к нам пришла

«Этого просто быть не может!» – крутилась и крутилась в голове у Надежды где-то на границе сознания одинокая скептическая мыслишка. Зато вся остальная Наденька, словно маленькая девочка в Новый год, искренне восхищалась сказочным чудом.

Ящик открылся сам, едва она с опаской коснулась деревянного бока. И тут же отпрянула, поскольку вверх сразу взмыла новенькая деревянная скалка, за ней, звонко хихикая, помчался венчик для взбивания, а сбоку на каменную поверхность крыши неторопливо, позвякивая, плавно скользнули кочерга и ухват. Причем кочерга была еще обмотана яркими шелковыми ленточками, как пасхальное деревце. Казалось, что на металлической моднице надета цветная юбка с длинной бахромой.

– Молодежь, прекращай барагозить! – глухо стукнув о пол деревянным черенком, проскрипел ухват тем самым голосом пожилого мужчины, что Наденька уже слышала. – Знакомиться с хозяйшккой будем да помогать ей быт обустроить! А иначе какие мы помощники? Одна видимость тогда выходит.

Кочерга, качнувшись и зашелестев лентами «юбки», примиряюще, как добрая сказочная бабулька, ласково пропела:

– Полно ворчать-то, старый, засиделась молодежь. И без них обойдемся, не впервой, чай, на пару-то работать. Пусть оглядятся да разомнутся. Будь здорова, хозяйюшка! Командуй, куда подарки из академии складывать.

Инвентарь крутанулся на месте и дружно указал на кучу свертков и сверточков, высившуюся на месте раскрывшегося, как бутон, ящика.

– Ну как подарки? – выйдя из крутого виража, ворчливо заявила зависшая над разномастными упаковками скалка. – Помощь это, а то и вовсе аванс за работу. Я слыхала, ты тут вроде как чегой-то сделать должна, ну а мы – обеспечить защиту да подмогнуть, где не справляешься. Деваха ты вроде здоровая, не знаю, что там за дело тебе поручено, но поможем, не сомневайся.

– Ага! – радостно взвизгнуло у вздрогнувшей Нади прямо над ухом. – А ты кто вообще, тетенька? Маг? А почему так одета? Я видел, как маги одеваются, не похоже совсем!

Растерянная Крохалева только и могла, что вертеть головой от одного говорящего непонятно каким образом предмета к другому и хлопать глазами.

– А чегой-то она молчит да застыла истуканом? – подлетела поближе скалка. – Чудная какая-то...

– Ша! Угомонились, трещотки! – прикрикнул на всех ухват, опять стукнув по полу. – Оглушили бабоньку совсем, налетели, как пацанва за леденцами на лоточницу. Берите ужо все добро, понесли в дом. А ты, красавица, не тушуй-

ся, показывай. Потом расскажешь нам все да разберешь, что прислали. Не место тут, чую, для разговора совсем.

Словно подтверждая его слова, снизу опять застонало непонятное, да так, что у Нади в груди перехватило и ком в горле встал.

Волшебный инвентарь вмиг образовал вокруг нее кольцо. Ухват и кочерга подхватили под руки, венчик залетал кругами над головой, а скалка, бурча, что вечно ей вся тяжесть достается, неведомым образом подцепила чем-то невидимым всю кучу кем-то присланного добра и направила в открытый люк.

В зал спустились быстро, а там скалка неожиданно, не выдержав, начала выговаривать Наде, будто хозяйка, нанявшая ее на работу:

– Ох и грязища! Пылища везде, позор просто! И мне теперь тут жить? И что ты за распустеха нерадивая, что доверенное тебе здание до такого непотребства довела? Не хозяйка, а срамота! – обидно и несправедливо бранилась летающая деревяшка, отчего Крохалеву начало прямо потряхивать изнутри от возмущения.

Она даже пожалела, что нельзя все вернуть как было и вновь остаться одной в тишине и покое.

«Вот тебе и магия! Вот тебе и волшебные помощники, Надюша! Как будто соседка снизу, Виктория Юрьевна, в эту палку вселилась и с санинспекцией ко мне в магазин приперлась», – раздосадованно думала она про себя.

Но помощники – на то они и помощники, чтобы почувствовать да уберечь. Не успел дух Киорензира О'Лооргена обрадоваться опять сжимающемуся кольцу фронтирской магии и тому, что сварливая кухонная утварь испортит глупой девке жизнь, как, почуяв неладное, вмешалась кочерга.

– А ну, помолчи, непутевая! Ишь разошлась, – вступилась она за Надежду. – Саму недавно выстругали, а поди ж ты, учить вздумала да попрекать, ничего не зная да не ведая! Откель ты знаешь, сколько тут хозяйюшка времени-то провела, когда на службу попала, и в каком состоянии ей это все досталось? Осуджать-то все горазды, не подумав да не спросив.

– Ух, как с языка сняла! – поддержал ее верный напарник ухват. – Видать, не все просто тут, раз нас сотворили да к девице в помощники приписали. Разобраться надо сперва, а потом уже балабонить! Так что помалкивай давай, пусто-звонка.

Скалка фыркнула и примолкла, а на душе у Нади потеплело. По крайней мере эта парочка заслуженных работников кухни была на ее стороне и влияние в этом волшебном квартете, на ее счастье, имела большое.

В крошечной кухоньке от внесенного имущества стало как-то тесновато, зато магические вещи мигом заняли свои места и для начала затеяли расспросы, кто их хозяйка, как здесь очутилась и с какой целью.

Вот тут-то их и ожидал сюрприз.

– Ох ты ж, девонька, и как тебя угораздило-то? – запричи-

тала кочерга, когда Надя, разведя руками, коротко поведала о своем попаданстве, полном профанстве в магии и непонимании, что ей в качестве сердца маяка надо делать.

– Ух, вот ведь угольки да дровишки, это вам не хворост да шишки, – загнул старичок ухват и поинтересовался: – А как ты тут жить-то сможешь? Мы-то, значит, привычные, у печки или стола поставили – и стоим себе, да и молодежь найдет где приткнуться. Давно живу уже, не чета вон той баболовке, – он ткнул металлическими рогами в разлегшуюся на подоконнике скалку, – знаю: вам, людям, да и другим расам, много чего надо. Еду ты нашла, молодец, и хорошо, что тут было чем поживиться. Мы тоже тебе кой-чего привезли полезного. Но ведь спать надо где-то. К тому же хоть и можете вы пореже посуды, но тоже необходимость такая есть. Надо бы порешать все это. Иначе плохо будет, хрупкое ты существо.

Инструменты словно переглянулись между собой, совещаясь.

– Ты не сомневайся, – прожурчала кочерга, и Наденьке даже показалось, что печной инструмент улыбается ей ласково, как бабушка, – поможем, сбережем да защитим. Только попереду тебе поговорить с создательницей надо. Малый! Достань вон сверток тот, а ты, деточка, освободи на столе место. Вещь хрупкая и незаменимая. Надеюсь, сработает как надо!

Расчищая угол стола от частично разобранный груды ве-

щей, Надежда вдруг сообразила, что сама-то представилась, рассказывая о себе, а вот имен говорливых помощников спросить не удосужилась. Однако сейчас ее больше занимало, что там такое бережно вытаскивает из присланных вещей гордый ответственным поручением шустрый венчик.

Под рукой начала шнырять молчаливая скалка, видимо почувствовавшая себя виноватой за несправедливые обвинения и наговор. Извечный кухонный аргумент сотен женщин отсортировывал все, что можно было отнести к продуктам и кухонным вещам, и отправлял на буфет у раковины. Забытую открытой воду скалка ловко закрыла, словно только этим всегда и занималась.

Подлетевший венчик бережно положил на расчищенную поверхность завернутый в шелковую тряпочку, такую же, как найденные Надей семейники, странный плоский предмет с горкой в центре.

– Это же... – Развернув скользящую серебристую ткань, Наденька Крохалева аж задохнулась от изумления. Чего она не ожидала увидеть после обещания средства связи с неведомой создательницей магического кухонного инвентаря, так это плоского расписного блюдечка и наливного яблочка на нем, румяного и краснобокого, сразу наполнившего помещение своим ароматом.

– Давай, девонька, покати, – негромко подсказала скалка. Без ворчливых и крикливых ноток у нее был весьма приятный женский голос.

Сев на кривоватый, грубо сколоченный, но неожиданно оказавшийся очень удобным табурет, Крохалева робко ткнула пальцем в глянцевоый бок аппетитного фрукта с задорно торчащим на черенке крошечным зеленым листочком.

Фрукт странно булькнул и вместо того, чтобы побежать по тарелке, как положено по всем сказочным канонам, вдруг растекся прозрачной пленочкой по блюду. И Надя увидела в нем, как в экране телевизора, круглое улыбочивое лицо светловолосой женщины слегка за сорок. В голубых глазах незнакомки мелькнуло облегчение, сменившееся тревогой.

На волшебном экранчике пробежала мелкая рябь, словно легкий ветер дул на воду. Наденьке это мешало рассмотреть тех, кто собрался за спиной ее собеседницы, а там суетилось достаточно много какого-то народу, и некоторые были как из костюмированного фильма фэнтези.

– Здравствуйте, – первой заговорила женщина из блюдечка. – Думаю, что вы все же, как и я, с Земли, и очень надеюсь, что откуда-то из России...

От волнения у Крохалевой перехватило горло, она не ожидала так быстро встретить здесь соотечественницу и тоже вроде как попаданку, только и могла, что судорожно сглотнуть и молча кивнуть.

– Я Мария Спиридоновна, – меж тем представилась собеседница. – Попала сюда уже давно, и много чего успело произойти, но сейчас это неважно. Там, где вы находитесь, условия существенно отличаются, и местность вокруг очень

опасная. Запомните главное: не выходите из башни! А если все же выйдете – разные бывают обстоятельства, – то только туда, где нормальная растительность! Увидите – поймете, о чем я говорю, а не поймете – помощники объяснят. Связь держать долго не получится даже фейской магией, поэтому обо всем напишу в письме. Передавать вам туда что-то сможем пока лишь по мелочи, госпожа Эртониза в эти места больше летать пока не рискнет. Когда мы к вам прилетели, что-то случилось, и мы едва успели уйти порталом. Измененный фон чуть не поймал нас в ловушку, а грозовой дракон – маг, измененный серой магией, да еще такой силы, как ректор д'Азфир...

За спиной сидящей женщины, заслонив все пространство, вдруг, нервно трепеща, взметнулись большие бирюзовые крылья. Надежда аж рот раскрыла, как карапуз, первый раз увидевший что-то необычное.

Наблюдавший все это творящееся безобразие дух мага был зол до хмырговых корчей, что гадской бабе помогают. И он сделал то единственное, что мог в таком состоянии: нырнул прямо сквозь проклятую посудину, которая умудрилась-таки работать как средство связи прямо посреди его владений, где серая магия фронта до сих пор глушила все, что могло помочь выбраться из ловушки попавшим в нее дурачкам.

На столе перед Надей по воде в блюдечке пошли круги, и изображение погасло, собравшись в почему-то подвядшее

и немного сморщенное, хоть и по-прежнему румяное яблоко. Листик на черенке уже не торчал задорно зеленым флажком, а высох и скрутился. Сколько больше Надежда ни тыкала пальцем во фрукт, он лишь качался на блюде и булькать, превращаясь в экран волшебного аналога смартфона, отказывался напрочь.

– Ох, поломалось блюдечко-то! – запричитала висящая над плечом скалка. – И вроде не трогали его... Может, ты как-то не такдохнула на него, хозяйка? Вещица-то хрупкая, тонкой настройки!

Надя и сама не поняла, что случилось, расстроилась. Вокруг башни опять медленно начали собираться серые клочья фронтирского тумана, стремясь сожрать яркие краски воспрянувшей рядом с маяком зелени.

– Ну полно, – встрепенулся, утешая, ухват, черенком чувствуя, что хозяйке нельзя печалиться. – На той стороне разберутся, чай, не последние маги при академии. Ты не грусти, Надеждушка, вещи пока разбери, посмотри, что тебе отправили. Скоро ведь вечер, а там и ночь. Тебе бы горяченького поесть да отдохнуть не мешает. Письмо, опять же, где-то должно быть.

– Точно! Письмо! – Крохалева вскочила и тут же устало опустилась на табурет, сил совсем не было.

– Ох и довела ты себя, дочка, – с сочувствием неодобрительно качнулся печной инвентарь. – Сиди ужо, егоза. Сами все сладим! – И тут же зычно скомандовал: – Малый,

ищи писульку бумажную! Ты, скалка, давай со мной вещички разбирать да рассортировывать, а кочерга-матушка пусть горюч-камень найдет, что маги послали, да ужин организует, вечерять будем и думу думать.

А вот на той стороне, в академии магии, в связи с произошедшим переполох был нешуточный. До того как связь с женщиной, имя которой они даже не успели узнать, исчезла, в блюдечке перед Марией Спиридоновной мелькнуло перекошенное злобой лицо неизвестного мужчины. Судя по реакции стоящих рядом магов, видела его не только Марья, и всем им эта возникшая на доли секунды личность, как и ей, сильно не понравилась.

Ректор, вскочив и раздраженно рыкнув что-то себе под нос, выбежала из уютного домика феи, где они в ее магическом мирке собрались связаться с нечаянной попаданкой. Переместившись персональным порталом в библиотеку, Эртона так напугала при появлении своим гневным лицом Аниту Вердуховну, пожилую домовушку-библиотекаря, что та чуть не уронила стопку расставляемых по полкам книг, которые держала домовичковой магией.

Оставшиеся у феи после прерванного сеанса связи ошарашенно молчали, и только муж Марьи, Марк Радимирович Рорх, бывший профессор лич, а теперь весьма живой, молодой, очень худой, высокий рыжеволосый мужчина, хмуро обмолвился, выражая всеобщее мнение:

– Сдается мне, кто бы это ни был, добра ни нам, ни по-

павшей на маяк женщине он не желает! Это явно не один из духов прежних владельцев.

– А если это тот, кто я предполагаю, – добавил он, и зеленые глаза на бледном лице ярко блеснули, а брови сурово нахмурились, – то эта женщина в очень большой беде, как и все мы. Винни, ты, когда там был, ничего не почувал? Винни?!

Троль, привалившись к стене, все продолжал смотреть на блюдечко со скукожившимся на нем яблоком, которому почему-то досталось больше, чем его собрату в башне. Профессора он совсем не слышал, поскольку перед глазами все еще стояло лицо женщины, одетой в его свитер, с шаманской шапкой из боскуайского грызколова на голове и с большими, чуть испуганными глазами, в которых явственно читалась растерянность и беспомощность. А еще на затылке Винни, никем не замеченные, в рисунке татуировки появились два новых крошечных символа, спровоцированных твердым внутренним желанием мужчины защитить и сберечь.

Глава 6. Имена и немного самой разной магии

Ужинали, или, как сказал ухват, вечеряли, где-то спустя пару часов. Кочерга успела быстро отыскать горячий плоский камень, с виду совсем не выглядевший волшебным, и, пристроив его на каменный подоконник, накипятила для начала воды для чая.

Ухват выудил из груды свертков и плюхнул на стол перед Надеждой пакет, открыв который она расплылась в счастливой улыбке, отчего у злобного духа аж зубы свело. В пакете, куда мертвый маг не преминул заглянуть, находились какие-то тюбики и баночки – бестолковая женская дребедень, с которой дамочки испокон веков так носятся.

Зато Надежда просто сияла от вида самой верхней, как минимум поллитровой емкости в виде горшочка с крышкой, на которой прилепился квадратный бумажный ярлычок. На нем округлым женским почерком было написано: «Для удаления любых загрязнений на коже. Нанести ровным тонким слоем и оставить. На лицо тоже можно!»

Больше ничего указано не было, и Надя задумалась. Смыть потом или вытирать тряпочкой?..

Решила попробовать сначала на руках, но сомнения озву-

чила вслух.

– А со мной точно ничего не случится, если я это на себя намажу? – поинтересовалась она у волшебной утвари, хоть и сомневалась, что они могут в этом разбираться.

Подлетевшая скалка словно бы заглянула в пакет, а потом снова неодобрительно заворчала:

– Да ты чего? Слепая, что ли? Вон же магопечать стоит, что сертификат на все имеется и товар запатентован академией! Не покупное, значит, небось, сама кикимора варила, Манефа Ауховна. А ты носом крутишь. Ходи тогда грязная, раз не нравится.

Все же характер у деревяшки был сварливый, и долго сдерживать себя она, похоже, не могла. Но Крохалева, поняв это, тоже не смолчала. Знала она таких особ. И как с ними общаться, тоже понятие имела.

– Конечно, не вижу! Я же не маг, – чуть огрызнулась она, чтобы осадить инструмент. А потом мягче попросила: – Может, поможешь хоть чуть-чуть разобраться, а то непонятно, смывать потом или что? Про это ничего не написано...

Скалка фыркнула, но уже не ворчливо, а, скорее, снисходительно-покровительственно и соизволила разъяснить:

– Делай то, что написано, там больше ничего и не надо! Инструкции для того и есть, чтобы ничего лишнего. Раз не написали, то не самовольничай. Привезли мы все лучшего качества, вот и пользуйся. Мажь уже, мне еще вон твои вещи разбирать. – В ее голосе опять появились ворчливые нотки. –

Кому скажи, что приличная скалка вместо горничной работает, засмеют!

– Ну ладно. – Надя поставила перед собой вытащенную из пакета посудину, обнаружив на ее боку еще одну надпись: «Чистополье», которая ничего не прояснила, и осторожно открыла плотно притертую крышечку.

Небольшое каменное помещение наполнил запах свежескошенного клеверного луга, у Наденьки даже голова от него чуть-чуть закружилась. Она постаралась самым чистым пальчиком подцепить из горшочка немного нежно-лавандовой субстанции, а потом аккуратно натерла ее на кисть левой руки.

– Мамочки! Это как? – На ее эмоциональный возглас среагировали все присутствующие, включая витающего под толком незримого Киорензира.

Впрочем, дух только сплюнул, поняв, из-за чего так развешивалась глупая тетка.

«Из какой дыры сюда выдернуло эту нелепую оборванку?!» – бесновался он, понимая, что его надежды могут пойти прахом, раз в восторг попаданку привел обычный магический очиститель для тех, кто работает в отдаленных от цивилизации сложных полевых условиях, где даже воду надо беречь.

Волшебные помощники же лишь добродушно похихикали и вернулись к своим делам. Только венчик, нашедший пухлое письмо, опустил его на краешек стола, скалка про-

бурчала, чтобы Надя поторопилась привести себя в порядок, а кочерга поместила рядом с письмом просто гигантскую чернильно-черную кружку. С посуды улыбался череп, в глаза которого были вставлены фиолетовые кристаллики, а наполнял ее ароматный чай, к запаху которого приешивался еще легкий мятно-лимонный аромат с нотками карамели.

Скалке Надежда кивнула, венчику улыбнулась, и малыш, сделав в воздухе сальто, умчался помогать ухвату. Кочергу она поблагодарила и отхлебнула духовитый горячий напиток, блаженно жмурясь.

На душе стало спокойно и умиротворенно, словно она была не в непонятном месте, где вокруг происходило что-то из ряда вон выходящее, а у себя дома.

Инвентарь заговорщически переглянулся, а Наденька, поставив кружку, решила продолжить гигиенические процедуры: протерла руки до локтя и даже на ощупь рискнула намазать лицо и шею.

Замечательное содержимое баночки просто таяло на коже вместе с грязью и исчезало непонятно куда, оставляя поверхность сухой, чистой и мягкой, как попка младенца. Даже после дорогих кремов и парафинотерапии кожа на руках Надежды не выглядела настолько шелковистой и гладкой, жаль, лицо пока оценить возможности не было. Рассмотреть остальное содержимое пакета, как и прочитать письмо бывшей соотечественницы, она не успела.

Вещи со стола помощнички куда-то убрали, на массивную, кое-где выщербленную по краю столешницу рядом с Надей постелили плотную, вышитую по краю большую салфетку, а на нее поставили миску с чем-то вроде густого супа и рядом плоскую тарелку с ломтями хлеба. В наваристом супе Наденька опознала плавающие среди овощей кусочки недоеденной ей колбаски. Видимо, кочерга была очень рачительной хозяйкой и перво-наперво сготовила из того, что могло испортиться.

Только вот после первой ложки супчика аппетит у Крохалевой почти пропал. Напоминающее чем-то солянку блюдо было вкусным, но вот то, что она ела, а инструмент вокруг стола просто висел и словно смотрел в рот, создавало огромный дискомфорт, хоть и понятно было, что волшебным вещам еда не требовалась.

Стараясь сгладить неловкость, чтобы тетушка кочерга не решила, что ее стряпня не по нраву, Наденька спросила наконец то, что давно вертелось у нее на языке:

– Скажите, а как вас всех зовут? А то вы не представились, а у меня как-то все не получалось спросить.

Ухват чуть качнулся и хмыкнул озадаченно:

– Да никак не зовут. Такие всегда были как есть. Кочерга да ухват, скалка да венчик.

– Ну, это-то понятно, – закивала, соглашаясь, Надежда, отщипывая кусочек хлебного мякиша и катая его в пальцах, – но это названия вас как инвентаря, таких инструмен-

тов много...

Скалка взвилась и свистнула, пролетая, прямо перед самым лицом отшатнувшейся девушки, словно хотела стукнуть ее по носу, да сдержалась.

– Что значит «много»? Мы одни такие, магией фей-некрмантов оживленные! Нет других. Может, еще где посуда какая-то есть, но я, скалка-помощница, такая единственная! – Деревянная укротительница теста гневно заметалась под толчком, словно крупная муха у яркого ночника.

– Так об этом я и говорю! – перебила ее возмущения Наденька. – Раз вы такие уникальные, то у вас должны быть свои имена, а не названия. Меня же вы не будете звать «человек» или «женщина». Я Надя, Надежда Крохалева, Наденька...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.